

Гудбай, Восточная Европа!

Полная история
региона на стыке
цивилизаций

Якуб Микановски

«Взгляд на нашу
общую историю
с другой стороны».

*Исторический
журнал Proshloe*

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Перекресток цивилизаций. Путешествие
в истории древних народов

Якуб Микановски

Гудбай, Восточная Европа!

«ЭКСМО»

2023

УДК 94(4)
ББК 63.3(45)

Микановски Я.

Гудбай, Восточная Европа! / Я. Микановски — «Эксмо»,
2023 — (Перекресток цивилизаций. Путешествие в истории
древних народов)

ISBN 978-5-04-214140-9

Американский исследователь Якуб Микановски, чьи предки когда-то жили в Восточной Европе, проделал глубокое исследование прошлого этого региона. Книга охватывает историю этой земли с VIII века до современности, затрагивая события, связанные с христианизацией этих земель, возвышения Речи Посполитой, расширением и падением Османской, Австро-Венгерской и Российской империй, Первой и Второй мировыми войнами, построением социализма и обретением независимости в условиях глобализации. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)
ББК 63.3(45)

ISBN 978-5-04-214140-9

© Микановски Я., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть I	11
1	11
2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Якуб Микановски

Гудбай, Восточная Европа!

Полная история региона

на стыке цивилизаций

Jacob Mikanowski

Goodbye, Eastern Europe. An Intimate History of a Divided Land

* * *

This edition published by arrangement with Frances Goldin Literary Agency, Inc. and Synopsis Literary Agency.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2023 by Jacob Mikanowski

© Ноури Е. В., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Пролог

Я расскажу вам историю земли, которой не существует. Восточной Европы больше нет. У нее нет жителей. Остались только выходцы из таких стран как Словакия, Латвия, Болгария, или городов: Сараево, Лодзь, Мариуполь. Иногда люди говорят, что они родом из регионов или природных зон: сосновых лесов Амазонии, пропитанных дождем холмов Марамуреша, голых скал Албанских Альп.

Но люди не идентифицируют себя как восточноевропейцы. Фраза «Восточная Европа» – удобное прикрытие для аутсайдера, эффектный прием, используемый для сокрытия множества стереотипов, среди которых – бедность, высокий уровень преступности, конфликты на этнической почве – по-настоящему разрушительны. Другие из них просто печальны. Однажды у моего друга, профессора польской и немецкой истории, студент вполне серьезно спросил, правда ли, что Восточная Европа была «мрачным болотом, в котором никто никогда не смеялся».

При таких суровых коннотациях неудивительно, что многие хотят избежать ассоциаций с Восточной Европой. Даже в мире развитых международных отношений регион сдает позиции. За последние тридцать лет этот ярлык сбросили несколько стран подряд. Еще до падения Берлинской стены Чехия, Словакия, Венгрия и Польша объявили себя частью Центральной Европы. Прибалтийские государства Литва, Латвия и Эстония выбрали другую альтернативу и теперь предпочитают считаться членами «северной» зоны. Страны по обе стороны Балкан от Черногории до Румынии отождествили себя с морскими сообществами, расположенными вокруг либо Адриатического, либо Черного моря.

С таким количеством дезертиров Восточная Европа в значительной степени превратилась в ничто. И все же не так давно ее существование было для всех очевидным. Мне достаточно лет, чтобы помнить времена, когда Восточная Европа была реальна и мгновенно узнаваема. В 1986 году сойти со взлетной полосы варшавского аэропорта имени Шопена означало шагнуть в мир, отличный от того, который я оставлял за спиной в пригороде Пенсильвании. Как и в остальных странах за железным занавесом, это был мир, живущий по собственным правилам. Да, в Варшаве в то время нельзя было найти ветчину, но люди стояли в очередях, чтобы купить новые переводы иностранной художественной литературы. Никто не голосовал, но политику обсуждали абсолютно все. Даже запах в воздухе был другим: зимой жгли бурый уголь, летом тянуло прохладой немых площадок. Сегодня любой из этих ароматов мгновенно переносит меня в утраченные сказки моего детства.

В те дни коммунизм придавал Восточной Европе осязаемое присутствие на мировой арене, скреплял ее в единый организм. До эпохальных преобразований, вызванных революциями 1989–1991 годов, вся обширная территория континента от Эстонии на севере до Албании на юге, от Украины на востоке до Чехословакии на западе принадлежала империи Красной Звезды.

Вместе с тем корни этого единства уходят гораздо глубже. В Восточной Европе есть нечто особенное, что отличает ее от Западной Европы, с одной стороны, и от остальной Евразии – с другой. Этой существенной, определяющей характеристикой является разнообразие – языка, этнической принадлежности и, прежде всего, вероисповеданий.

Восточная Европа впервые стала выделяться среди стран остальной Европы именно как пограничная область между несколькими религиозными общинами. Язычество просуществовало здесь дольше, чем где-либо еще на континенте, и именно оно наложило глубокий

отпечаток на фольклор и народные верования. Когда около 1000 года христианство все-таки появилось, сразу в двух разных формах – католической и восточно-православной школы – оно заложило фундамент для первой из многочисленных религиозных конфессий региона. Ислам появился несколькими столетиями позже, его распространили вторгшиеся на эту территорию турки-османы и татары. К 1492 году весь Балканский полуостров принадлежал Дар-аль-Исламу, да и до сих пор далеко на севере, вплоть до Вильнюса в Литве, можно найти разбросанные тут и там мечети.

В том же году, когда Фердинанд и Изабелла Испанские выслали из своего королевства евреев, осуществив последнее в длинной череде подобных изгнаний из христианских стран Запада, Османская империя пригласила их поселиться в своих крупнейших городах. К тому времени Восток выступал колыбелью европейского еврейства. По мере того как западноевропейские страны одна за другой гнали своих евреев, восточноевропейские королевства их привлекали.

На протяжении большей части своей истории Восточная Европа заселялась пограничными общинами: они занимали пустующие территории, которые ранее не обрабатывались или которые обезлюдели из-за длительных войн. Многочисленные волны иммиграции придали большей ее части характер, совершенно непохожий на Западную Европу (или на большую часть России, если уж на то пошло). В Восточной Европе можно было запросто встретить католиков и православных христиан, живущих в непосредственной близости от евреев и мусульман. Это территориальное наложение нескольких религий привело к невозможности навязывать догму какой-либо отдельной веры. Таким образом, Восточная Европа стала убежищем для религиозных маргиналов и еретиков. Всевозможные богомилы, гуситы, франкисты и алевиты оставили глубокий след в культуре региона. То же самое произошло с целым рядом магов, алхимиков и оккультистов, чье совместное присутствие превратило Восточную Европу в главную на континенте тренировочную площадку для темных сил.

Сегодня большинство евреев с этой земли исчезло; значительно уменьшилось и исламское присутствие. Настоящих алхимиков найти еще труднее. Тем не менее во многих местах можно ощутить тяжесть этого наследия. На протяжении многих лет в поисках следов исчезающего религиозного многообразия я проехал внушительную дистанцию: от суфийских святынь Добруджи в Румынии до последних деревянных синагог Жемайтии в Литве. Для меня это паломничество связано и с личными поисками. Происхождение моей семьи – наполовину еврейской, наполовину католической – тоже несет в себе отпечатки разнообразия давно минувших веков.

В этой книге я не описывал свою семейную историю, но вплел ее в общую канву. Польский поэт Чеслав Милош заметил, что «осознание своего происхождения подобно якорному канату, погруженному в глубину», без которого «историческая интуиция практически невозможна». Так было и для меня: мои предки заложили основу всего, о чем я пишу.

Как представитель очень маленькой общины польскоязычных евреев, я родился в культуре, которая теперь практически исчезла, в мире светской еврейской интеллигенции, которая страстно любила литературное наследие Польши, но опасалась его сочетания с католицизмом и национализмом. Идейнными вдохновителями общины служили поэты и авторы рассказов, а не генералы или святые, а книжные полки были забиты присланными из Парижа эмигрантскими журналами с пожелтевшими корешками.

Но это только история половины моей семьи. Другая, христианская, половина состояла из конкурирующих слоев населения, разделенных по классам и профессиям. Некоторые были крестьянами, а некоторые – ремесленниками. Встречались даже аристократы и приближенные королей. Несмотря на то что своими корнями мое генеалогическое древо уходило в Венгрию, Литву, Германию и Чешские земли, все мои предки считали себя поляками. Процесс формирования такого коллективного сознания занял несколько столетий.

Огромная разница в моей семье наблюдалась между евреями и христианами, простолюдинами и дворянами, поляками и неполяками. Это было характерно для единой всеобъемлющей социальной модели. В Восточной Европе в степени, неизвестной большинству представителей остального мира, религия, этническая принадлежность и класс брались в расчет в совокупности и очерчивали границы профессии и касты. Землевладельцы, арендаторы и горожане обычно говорили на разных языках и принадлежали к разным конфессиям. Благодаря этому люди могли жить бок о бок и в то же время принадлежать к совершенно разным социальным мирам. Соседи были чужими друг другу до тех пор, пока оставались в силе старые табу.

Эти модели отчуждения и враждебности в сочетании своем породили невероятно разнообразное общество. Независимо от размера, ни одно сообщество в Восточной Европе никогда не было несмешанным, так сказать, «чистым». Даже за десять минут ходьбы по самой маленькой деревне можно увидеть святилища, посвященные трем разным религиям, прихожане которых говорят на разных языках. Проведя какое-то время в дороге, можно столкнуться с совершенно разными наборами языков и верований, принадлежащих многочисленным кочевникам региона, странствующим продавцам и другим профессиональным путешественникам.

На протяжении веков традиционные общества Восточной Европы чаще всего напоминали разноцветный гобелен. Многообразие не было побочным продуктом этой системы – оно лежало в ее основе и служило скрепой. Да, подобная близость различных вер и языков необязательно приводила к гармонии. Такой древний уклад зависел от поддержания строгих различий между классами и религиями. Когда в XX веке эти различия унифицировали, люди не только обрели новую меру свободы, но и подверглись новым опасностям. В моей семье сочетание христианина и еврея, фермера и аристократа стало возможным только благодаря тотальной катастрофе Второй мировой войны. Пересечение границ всегда было делом нелегким; среди семейных легенд полно историй про то, кто кого сторонился, кто разругался с кем на десятилетия, кого разлучили против воли и так далее. Таких историй предостаточно и в других семьях Восточной Европы. Бесчисленные союзы раскололись из-за новых границ, приверженности старым религиям или, наоборот, новаторским конкурирующим идеям.

Мое собственное неоднозначное происхождение представляет собой непростое наследие. Из-за него я склонен рассматривать историю Восточной Европы не столько как историю наций и государств, сколько как непрерывное противоборство конкурирующих религиозных систем. Политические дебаты в Восточной Европе часто вращаются вокруг трактовок Священного Писания. В течение XX века фашизм, коммунизм и национализм предоставили людям новые мощные источники переосмысления. Везде, где массово принимались эти идеологии, религиозные модели не сдавали позиций ни в качестве идеологической основы, ни в качестве конкурента политическим системам. На протяжении веков Восточная Европа была колыбелью искателей. Ее народ, менее развитый в экономическом отношении, чем на Западе, но открытый богатству религиозных и мессианских традиций, давно мечтал о внезапном, преобразующем скачке в будущее. Люди, живущие здесь, стремились к земной свободе.

Для многих революционеров империя казалась гораздо большей угрозой, чем бедность. Для них свобода означала управление народом на их собственном языке, на их исторической территории. Редко когда легко получалось достичь этой цели, по крайней мере, по двум причинам. Одна из них заключалась в том, что ни один регион Восточной Европы не служил домом для одного-единственного народа. Другая состояла в том, что большинство этих национальностей были довольно малочисленными, в то время как империи, в составе которых они в итоге

оказались, были огромными. В те времена, как никогда, борьба за независимость чаще всего предполагала братоубийственную резню на фоне невероятных внешних трудностей.

Восточноевропейцы редко полностью контролировали свою судьбу. На протяжении веков преобладающая часть их истории писалась в имперских столицах – Вене, Стамбуле и Санкт-Петербурге, а позже в Берлине и Москве. Но далеко не в этих центрах эта история проживалась. Для меня история Восточной Европы – это все те события, что произошли как раз между этими центрами власти. Это земля маленьких государств со сложными судьбами. Это история не королей и императоров, не армий стран «оси» и союзников, а скорее крестьян, поэтов и мелких сельских чиновников – людей, которые непосредственно, лично, на своей шкуре пережили столкновение империй и идеологий.

Бури XX века разрушили вековую ткань восточноевропейской жизни. Сегодня от многоязычного и многоконфессионального мира, в котором жили мои бабушка и дедушка, остались лишь осколки. Поскольку я чувствую себя крошечной частичкой этого исторического следа, мне давно хочется восстановить то исчезнувшее разнообразие, которое формировало первооснову самоидентификации восточноевропейца. Для меня речь идет не столько о единой идентичности, сколько о совокупности общих черт, структурированных вокруг общей памяти о сосуществовании культур. Несмотря на все существенные различия, у восточноевропейцев есть еще одна важная общая черта, – дар видеть комедию среди трагедии. Длительное знакомство с историей в ее самых экстремальных проявлениях привило этим людям необычайную способность распознавать абсурд и выживать в его условиях. Эту черту можно отследить в художественной литературе региона, а еще глубже – в историях, рассказанных о пережитом.

Евреи-хасиды обычно говорили, что лучший способ познакомиться с раввинами-чудотворцами – это легенды, которые рассказывали о них ученики. Так же обстоит дело и с историей Восточной Европы. Жизнь в Восточной Европе, особенно в XX веке, представляла собой ошеломляющую череду бедствий и трансформаций. Простой исторический отчет превратил бы этот головокружительный опыт в нечто большее, чем список правителей и событий. Предания – истории, слухи и народные песни – традиционно раскрывают, что прячется за безжалостными фактами и событиями. Они могут проникнуть в суть того, каково было пережить ужасы фашистской антиутопии, кратковременный восторг и длительный террор сталинизма, застой и дефицит позднего социализма и внезапное исчезновение опорных ценностей, сопровождавшее приход капитализма.

Для меня эти трагикомические истории, изобилующие внезапными катастрофами, неожиданными поворотами событий и чудесными спасениями, являются истинным лингва франка Восточной Европы – общим языком ее рассеянной по территории идентичности. Я коллекционировал их годами.

Я начал собирать материал, пока жил в Польше, и продолжил библиотечные и архивные исследования во время многочисленных поездок по региону. Они служат лучшим напоминанием о том, что Восточная Европа – это не просто плаха для страданий, но и уникальная цивилизация, полная бесконечного очарования и чудес.

Вот несколько историй из моих записных книжек.

Из фильма: однажды редакторы румынских газет посмотрели на официальную фотографию Николае Чаушеску с Валери Жискар д'Эстеном и пришли в ужас, заметив, что румынский диктатор намного ниже ростом, чем президент Франции, и, что еще хуже, на нем даже не было шляпы. Чтобы исправить эту потенциально роковую ошибку, редакторы исправили фото, наклеив шляпу на голову Чаушеску. К сожалению, по невниманию горе-редакторы упу-

стили тот факт, что он уже держал шляпу в руке. Полиция немедленно выехала на место, чтобы перехватить и уничтожить все номера газеты, которые попали в печать.

Из биографического словаря: после прихода к власти коммунистов албанский поэт и ученый по имени Сейфулла Малешова поднялся до поста министра культуры своей страны, но немедленно пал жертвой наводящего ужас министра внутренних дел. Поэта, приговоренного к многолетнему заключению в печально известном лагере для военнопленных, освободили после того как министра внутренних дел, в свою очередь, в ходе последующей чистки приговорили к смертной казни. Но ценой за свободу поэта стал его голос: он больше не мог публиковаться. Ему намертво заткнули рот. Последующие двадцать лет он работал складским клерком в провинциальном городке, не произнеся за все это время ни слова. Если кто-то пытался ему сказать что-то, он поджимал губы, напоминая о своем обете молчания. Все в городе знали его стихи, но никто не осмеливался читать их вслух, а когда поэт умер, никто не осмелился прийти попрощаться и почтить его память. Его похоронили в присутствии сестры, могильщика и двух агентов тайной полиции.

И наконец, история от тетки моей матери Ядвиги, рассказанная мне в день моей помолвки: тетя Ядвига и ее муж, мой дядя Турновский пытались пожениться трижды. Первый раз в Минске, в 1940 году. С трудом насобирали деньги. По дороге в бюро записи актов гражданского состояния их, задыхаясь, нагнал друг по имени Айсек. Ему нужно было срочно занять денег: в магазинах только что появились заварные чайники. Они отдали ему деньги, которые копили на свадьбу. Просто пришлось так поступить. Свадьбу можно сыграть в любой момент, но никогда не знаешь, когда чайники снова появятся в продаже. Второй раз они попытались пожениться два года спустя, в Таджикистане. На этот раз у них были деньги, и они уже жили вместе в маленьком городке, где все друг друга знали. Когда они пошли в бюро записи актов гражданского состояния, ответственный советский чиновник выразил удивление, что они еще не женаты, ведь они давно живут вместе. Он сообщил им, что нарушен порядок: они должны были сначала пожениться и только потом начать жить вместе. Логичным образом, по этой причине он отказал им в выдаче свидетельства о браке. Третий раз они попытались счастья в Варшаве после войны. У дяди Турновского было два свидетеля (один из них Ясек, которому понадобился чайник), и они прибыли в назначенное время в министерство. Ядвига долго не появлялась – никак не удавалось взять выходной в издательстве, где она работала. Но на этот раз – наконец-то, спустя шесть лет, – пожениться им удалось. Регистратор согласился подписать свидетельство о браке в отсутствие невесты.

Для меня эта последняя история лучше всех описывает мою двоюродную бабушку Ядвигу и все ее поколение. Они родились в условиях разрухи и пустых обещаний, последовавших за Первой мировой войной, они пережили ужасы Второй мировой и каким-то поразительным образом так и не потеряли своего взгляда на мир и чувства юмора. Они измеряли свои дни заварочными чайниками и пропускали назначенные встречи с тем же философским настроением, с каким встречали революции, вторжения и капитуляции. Эта книга написана в тени их потрясающих всеобъемлющих жизней.

Часть I

Вероисповедания

1

Язычники и христиане

Дремучий лес, изобилующий опасностями, и редкие проблески сокровищ: именно такими, должно быть, представлялись территории Восточной Европы среднестатистическому римлянину во времена императора Марка Аврелия. Для них земли к северу от границ империи в значительной степени представляли загадку. Сам Марк проехался к северу от Дуная в 170 году, чтобы пойти войной против сборища варварских племен. Там он начал писать свою работу «Размышления», разбив военный лагерь на берегах реки Хрон, на территории нынешней Словакии. Это произведение классика философии стоиков, возможно, первое литературное произведение, написанное в Восточной Европе. В тексте Марк ни разу не упомянул о своем окружении, но это не должно нас слишком удивлять. На территориях к северу от Римской империи не было городов, письменности, храмов или каких-либо других признаков, указывающих на присутствие цивилизованной жизни в понимании человека, прибывшего туда с берегов Средиземного моря. С точки зрения римлян, эти холодные и довольно пугающие земли выступали источниками исключительно двух вещей: неисчерпаемых полчищ врагов и легкого драгоценного камня под названием *электрум*, или янтаря.

Была у меня коробка из-под сигар, принадлежавшая моему дедушке, – полная необработанных оранжевых камешков янтаря, которые они с моим отцом собирали на польских пляжах. По всему побережью южной Балтики, от Дании до Эстонии, янтарь найти очень просто: нужно просто пойти на пляж после шторма или знать, где копать в песке. Тропы, которые привели этот драгоценный камень, такой таинственно сияющий и легкий, к берегам Средиземного моря, заросли травой уже ко времени прибытия Марка Аврелия. Столетием ранее, во времена правления императора Нерона, римский рыцарь отправился на север с пограничного поста на территории нынешней Австрии. У него был приказ привезти столько янтаря, сколько он сможет купить; императору он был нужен для украшения нового Колизея. Рыцарь проехал сотни километров на север, к берегам Балтики. Ко всеобщему изумлению, он вернулся с тележками, полными этого добра, с кусками размером с тыкву, – их хватило бы, чтобы украсить весь амфитеатр, вплоть до ручек на сетках, защищавших зрителей от диких животных, беснующихся внутри.

Торговля янтарем между Балтикой и Средиземноморьем восходит по крайней мере к бронзовому веку. Однако в данном случае торговля не способствовала установлению связей.

Эти путешествия оставили лишь самый слабый след в истории Восточной Европы – самое большее, несколько хрупких следов: пуговицы от мундира всадника, найденные рядом с польским озером, кавалерийский шлем в литовской могиле. И римские монеты – огромное количество монет. Их не считали за деньги в странах, в которых их получали. Они считались сокровищем в более истинном, чистом смысле – знаками из другого мира. В российском анклав между Польшей и Литвой (современный Калининград особенно богат янтарем) есть древние кладбища, в каждой могиле которых есть по крайней мере одна блестящая латунная *сестертиус*. Эти монеты раскладывали рядом с головой умершего в сосудах, сделанных из коры священной березы. Они предназначались для платы мифическому балтийскому перевозчику в потусторонний мир, чье имя было утрачено во времени.

...

Вспышка серебра, поднятого плугом: именно так Древний мир свидетельствует о себе в большинстве стран Восточной Европы. В остальном – тишина. История появляется только с приходом христианства, а вместе с ним и письменного слова. До этого мы почти ничего не знаем наверняка. Темные века были по-настоящему темными: к северу от древней римской границы они были почти непроницаемы. Но и на юге стужался внушительный мрак. В отчаянные десятилетия войн, голода и чумы, последовавшие за падением Западной Римской империи в 476 году, сюда прибыли славяне. Казалось, что они появились из ниоткуда, внезапно поселившись везде одновременно.

Сегодня на славянских языках говорят на обширной территории Европы, от Болгарии и бывшей Югославии на юге до Польши и всей России на севере. Это огромная территория, но, по-видимому, лишь часть ее с давних пор была заселена носителями славянского языка. Первые упоминания о славянах в древних источниках относятся к концу VI века. К 1000 году они распространились повсюду от Северной Греции до границ Финляндии.

Но откуда пришли славяне? Этот вопрос до сих пор волнует историков, поскольку четкого ответа на него нет, есть только множество противоречащих друг другу утверждений. На протяжении многих десятилетий ответ зависел от того, кто его предлагал. Русские настаивали на том, что славяне пришли из России, украинцы говорили, что они пришли с Украины, а поляки утверждали, что они пришли из Польши. Затем на какое-то время сложился слабый консенсус относительно того, что родина славян находится в Полесье, регионе бесконечных водно-болотных угодий, простирающихся вдоль границы между Украиной и Беларусью. Раньше я представлял себе, как эти древние славяне выходят из большого дома в огромных кожаных болотных сапогах, с их усов стекает вода – они готовы покорять Салоники, как только вытрутса полотенцем.

Эта версия больше не является лидирующей. Сегодняшняя ультрасовременная теория заключается в том, что славяне пришли с территории нынешней Румынии, что довольно парадоксально, поскольку сегодня там не осталось носителей славянского языка. Согласно этой интерпретации, они объединились в результате насущной потребности Восточной Римской империи в рабочей силе для укомплектования фортов, расположенных вдоль границы с Дунаем. Есть множество оснований рекомендовать эту точку зрения, но мы никогда не узнаем наверняка, как оно было на самом деле. Ранние славяне не могли похвастать выдающимися вождями или великими летописцами. Они вышли на историческую сцену не одной волной цунами, а серией небольших потоков. По словам одного исследователя, их развитие носило

«неясный» характер, можно разглядеть лишь отдельные моменты в тусклом свете мерцающего пламени.

Подобная мрачность присуща и самим славянским верованиям. Мы очень мало знаем о мифологии или ритуалах этого народа – известно только то, что они были язычниками и поклонялись некоему пантеону богов. Когда христианские священники прибыли, чтобы искоренить старые обычаи, никто не считал нужным их записать. Один из парадоксов религиозной истории Восточной Европы заключается в том, что язычество просуществовало там ощутимо долго, но мы чрезвычайно мало о нем знаем. Не существует славянского эквивалента грандиозному сборнику скандинавских мифов, сохранившемуся в исландских (Edda) или кельтских, валлийских (Mabinogion) или ирландских (Tain) сказаниях. Все, чем мы располагаем, – это пара фрагментов, зафиксированных враждебно настроенными свидетелями. Одно из первых таких свидетельств пришло с Сицилии.

Около 700 года славянский отряд, совершивший набег на эту территорию, был взят в плен местным ополчением. Предприимчивый епископ спросил горе-захватчиков, во что те верят. С помощью переводчика они ответили, что поклоняются «огню, воде и собственным мечам». Почти семьсот лет спустя Великим княжеством Литовским все еще правили практикующие язычники, которые верили в нечто очень похожее. Обширное государство Литва, включавшее в себя тогда львиную долю сегодняшних Беларуси и Украины, отказалось от старой веры последним из европейских стран. В 1341 году, когда умер великий князь Гедиминас, его похоронили со всей пышностью языческого обряда: сожгли дотла на гигантском погребальном костре вместе с любимым оружием, рабами, собаками и лошадьми, а также несколькими немецкими крестоносцами, брошенными в пламя для пушей убедительности.

Ни один из источников, конечно, не может считаться подлинным. Почти все, что когда-либо писали о древней религии балтов и славян, – ложь. Большинство предположений основаны на нескольких поздних наблюдениях и свидетельствах посторонних. Все, что выдает себя за миф, является чистой воды выдумкой. За исключением имен нескольких божеств и нескольких скудных археологических находок, ничего не ясно. Итак, что мы можем с уверенностью сказать об их богах? Только три вещи: они жили на деревьях, они разговаривали с людьми через лошадей и они обожали запах свежее испеченного хлеба.

Язычество балтов и славян подразумевало «службы на открытом воздухе». Их истинным храмом был Лес. Святилищами служили обычные рощи или вековые деревья, которые сами по себе пользовались особой популярностью. На острове на Днепре, например, стоял огромный дуб, который почитали все мимо проходящие, принося в жертву стрелы, мясо и хлеб. До недавнего времени женщины в Полесье (на территории, которая впоследствии станет Украиной) веками, на каждую Пасху, подносили заходящему солнцу специально испеченный хлеб и молились перед священным деревом, чтобы обеспечить хороший урожай. Этот отголосок тысячелетнего обычая сохранялся до 1986 года, когда Чернобыльская катастрофа заразила землю и вынудила ее обитателей отправиться на поиски других убежищ.

Языческие пруссы (прибалтийский народ, живший до немцев) совершали богослужения в рощах священных дубов. В каждой роще обитали свои жрецы и приносились жертвоприношения. Природа служила местом встреч, святилищем и оракулом. Пока еще был жив культ богов, его приверженцы задавали вопросы своим любимым деревьям и озерам, чаще всего о своих же врагах. Боги говорили с людьми через родную природу; самый простой способ задать вселенной вопрос напрямую – усадить дух верхом на лошадь. Когда славяне, жившие в устье реки Одер, собирались напасть на соседей, они советовались со священным конем, проводя

его мимо ряда копий, воткнутых в землю. Если конь не обращал на копыта внимания, славяне с легким сердцем отправлялись на войну.

По мере того как христианство подбиралось все ближе, у язычников южной Балтики появлялось множество поводов для вооруженных столкновений. В течение двух столетий, примерно с 1200 по 1400 год, именно на юго-восточных берегах Балтики проводились кровопролитные христианские крестовые походы. Их возглавлял Тевтонский орден, в состав которого вошли в основном немецкие рыцари, недавно вернувшиеся со Святой земли и искавшие новой арены для ведения священной войны. От Северной Польши до Эстонии они проповедовали слово Божье «железными языками», позаимствовав идею у Карла Великого. Бои были жестокими. В Пруссии они были сопоставимы с войной на уничтожение, ведь она закончилась истреблением пруссов как народа и исчезновением их языка.

На этой земле христианизация действительно приняла форму колонизации. Предвосхищая то, что однажды произойдет в Новом Свете, всю социальную систему средневековой Европы насильственно перенесли на девственную территорию Востока. Восточноевропейское язычество было тесно привязано к месту. Его законы распространялись только на русло одного ручья или тень определенного дерева. Христианство, напротив, – вера миссионерская. Оно пыталось переделать весь мир по своему образу и подобию и нападавало волнами. Сначала пришли миссионеры и вырубали священные рощи. Затем пришли крестоносцы, свергли власть древних вождей и перерезали их последователей. Когда работа по уничтожению завершилась, прибыли землевладельцы-христиане, крестили оставшихся в живых и низвели их до статуса крепостных.

«Хроники» Генриха Ливонского – лучший дошедший до наших дней источник информации о том, что ощутили участники этой войны. Генрих был саксонским священником, с ранних лет служил при дворе епископа Альберта Буксгевденского, одного из лидеров завоевания территории нынешней Латвии. В 1200 году Альберт отправился из Гамбурга с флотом кораблей и армией солдат и высадился на месте современной Риги. Альберту обещали отдать эти земли в епископство, если ему удастся завоевать и обработать их.

«Хроники» Генриха – история этого завоевания. Она рассказана от первого лица и охватывает два десятилетия на территориях, которые сегодня являются Латвией и Эстонией. Действие разворачивается среди девственных лесов, замерзших рек и глубоких снегов. Описываются средневековые ужасы: обезглавливания, бичевания, расчленения. Людей сжигали заживо, а их сердца съедали, чтобы забрать жизненную силу владельцев. Даже среди обращенных в христианство все очень неоднозначно. Как только христианский флот, обративший группу в христианство, отплывает, местные радостно ныряют в ближайшую реку, чтобы смыть только что принятое крещение. Затем они рубят то, что, по их мнению, служит идолами христиан, и спускают все это на воду на плотках, чтобы те присоединились к своим отплывшим хозяевам. В другом месте, в Эстонии, язычники очень скоро восстали и свергли власть священников: бросились на церковные дворы, выкопали своих мертвецов и сожгли их по своему древнему обычаю.

Особенно трудно оказалось искоренить древнейший культ деревьев. В Эстонии, когда священники вырубали прекрасный лес, посвященный богу Тарапите, местные жители были искренне поражены тем, что деревья не истекают кровью, как люди. На севере Польши, когда миссионеры попытались сделать то же самое, пруссаки отрубили им головы. В Померании, недалеко от границы между Польшей и Германией, местные племена считали особенно священными два дерева: великолепное старое ореховое дерево и гигантский лиственный дуб, под которым бил родник. Дипломатичным язычникам удалось убедить священников и спасти дере-

вья, пообещав обратиться в христианство. Они торжественно поклялись, что отныне никогда больше не будут поклоняться деревьям; они будут просто отдыхать в их тени и наслаждаться их красотой.

Несмотря на бесконечное насилие со стороны крестоносцев, языческие обычаи никогда так и не исчезли полностью: их просто загнали в подполье или же они сохранились в видоизмененном виде в христианском обличье. В некоторых областях, чтобы сохранить свои традиции, язычники заключали с завоевателями сделки. Известен случай, когда в западной Латвии несколько местных независимых фермеров, так называемые куршские короли, заключили сделку с тевтонскими рыцарями. В обмен на помощь в борьбе со своими собратьями-язычниками короли получили две привилегии. Первая заключалась в том, что им разрешили продолжать кремировать своих умерших, что было важной победой: эту традицию христианские монахи давно осуждали. Во-вторых, им разрешили не вырубать свою священную рощу. Древний лес, общий для семи деревень, сохранился в неприкосновенности. В нем нельзя было собирать хворост, а охота разрешалась только раз в год, в день зимнего солнцестояния. Вся добытая дичь затем делилась между всеми на большом пиру, на котором также выпивалось огромное количество пива, а танцы продолжались всю ночь. Это была дикая охота, трофеи которой принадлежали богам.

Следы спасенного священного леса, где пировали куршские короли, сохранились и по сей день. Участок под названием Лосиная роща находится в нескольких милях к югу от современного города Кулдига в Латвии. В XX веке там все еще было запрещено разжигать костры или ломать ветки. Любой, кто нарушал табу, рисковал навлечь пожар или смерть. Исключение делалось только в день похорон. Когда в деревне кто-то умирал, каждый житель шел в рощу и отламывал ветку, распевая: «Не умирайте, люди, на холме [то есть на кладбище] больше нет места!»

В результате советских земельных реформ и массовой эмиграции на Запад семь деревень куршских королей заметно обезлюдели. Однако их последняя священная роща все еще существует – это небольшой участок леса по обе стороны шоссе между Кулдигой и Айзпуте. Надеюсь найти материальный след верований, за которые так цепко на протяжении столетий держались древние язычники, я отправился туда на разведку в один из типичных июльских дней, когда то и дело льет с неба. Сочетание постоянных дождей и долгих северных дней придавало ландшафту неземной, мшисто-зеленый цвет. Когда после третьего ливня подряд наконец выглянуло солнце, от дороги и от высоких деревьев, венчающих близлежащие холмы, поднялся пар. На краю поля со стерней появилась пара журавлей, поблизости прогуливались спокойными рядами аисты: патрулировали свежевспаханные борозды в поисках пищи.

Хотел бы я сказать, что, стоя в роще, ощутил присутствие древних богов полей, лесов, скал и ручьев, но врать не хочется. Сама роща небольшая, занимает всего несколько акров. Тамошние деревья, смесь крепких лип и тощих берез, выглядят не лучше зарослей на заднем дворе. Шоссе Айзпут проходит через лес, как шрам. Но издали зеленая зона все равно производит сильное впечатление. Лес Элька расположен на возвышенности, которая, хотя и небольшая, создает впечатление, что деревья прячут над окружающим ландшафтом. Если смотреть из ближайшей деревни, кажется, что кроны деревьев сливаются с облаками. Кто может с уверенностью определить, чей голос звучит, когда ветер шумит в листьях?

На территории нынешних Эстонии, Латвии, Северной Польши и бывшей Восточной Пруссии христианство навязали силой. Единственным исключением среди прибалтийских стран стала Литва, где местным герцогам удалось остановить рыцарей-крестоносцев и сохранить свою исконную веру до конца XIV века.

Они окончательно приняли христианство в 1387 году, когда Ягайло, великий князь Литовский, женился на королеве

Польша Ядвига, положив начало польско-литовской унии, просуществовавшей до 1795 года – тогда обе страны были стерты с лица земли имперскими соседями.

Ягайло заплатил за свой супружеский и территориальный союз принятием христианства. У христианской Польши и языческой Литвы был общий враг в лице тевтонских рыцарей. Старый орден крестоносцев давно превратился в изгоя и вел войны исключительно ради стяжательских завоеваний, независимо от того, были ли их враги христианами или язычниками. Став королем, Владислав Ягелло (новое христианское имя Ягайло) смог собрать достаточно людей, чтобы сокрушить военную мощь рыцарей в битве при Грюнвальде в 1410 году.

Обращение Литвы в христианство носило политический характер. В более ранние века то же самое можно было сказать о поляках, чехах (как о богемцах, так и о моравах), венграх, болгарях и сербах. В отличие от большинства языческих балтов у этих народов были сильные государства, слишком могущественные и слишком далекие от христианских соседей, чтобы их можно было так запросто обратить силой. И все же между 800 и 1000 годами все они по очереди приняли христианство. Моймир Моравский обратился в христианство в 831 году, хан Борис Болгарский – в 864 году, Борживой Богемский – в 884 году, Мешко Польский – в 966 году. Святой Стефан Венгерский, уже будучи христианином, победил в 997 году родственника-язычника и навязал христианство жителям всей территории своих расширившихся владений. Для таких правителей принятие христианства стало очередным ходом на политической шахматной доске европейского масштаба. Таким образом, они намекали соперничающим королевствам, что следует относиться к ним как к равным в разыгранной партии брачных пактов и военных союзов, которые составляли суть великой игры европейской дипломатии. Откуда же, в первую очередь, эти древние короли и герцоги черпали свою власть?

В большинстве восточноевропейских стран письменная история начинается с момента обращения в новую веру. Тогда же начинается и ложь. Нанятые летописцы – обычно монахи с запада – сочиняли благочестивые мифы о том, как и где их хозяева получили свои короны. Жила-была мудрая королева Либуше, которая правила Чехией согласно пророчеству и предсказывала будущее величие Праги. Она рассматривала судебные иски и вершила правосудие, не выходя из своей роскошной опочивальни. Какой бы мудрой и справедливой она ни была, как бы верно ни предсказывала будущее, мужчины племени, тем не менее, были недовольны ее правлением. Им нужен был мужчина. Либуше высмеяла чехов за их недалекость, но в конечном счете согласилась на компромисс: выйти замуж за великого короля и полагаться на его суждения. Будучи пророчицей, она даже рассказала соплеменникам, где они могут его найти.

Ее будущего мужа звали Пржемысл. Нашли его пахущим поле посреди леса на двух впряженных волах. Он пригласил посланцев Либуше в свою хижину на трапезу из заплесневелого хлеба и черствого сыра. Пахарь женился и предался исполнению супружеского долга. Династия, которую основали новобрачные, просуществовала четыреста лет. Пахарь Пржемысл, став королем, никогда не забывал о своем происхождении. В сокровищнице в Вышеграде он всегда хранил свою поношенную рабочую обувь.

Прежде чем обрести собственную династию, поляки страдали от правления короля Попеля, который был настолько злым, что в итоге подданные взбунтовались и загнали его в башню, где монарха сожрали мыши. Его сменил на троне гостеприимный колесный мастер по имени Пяст. Его претензия на известность заключалась только в том, что он однажды угостил элем нескольких измученных жаждой путешественников и пригласил их на праздник. Его потомки также правили Польшей в течение последующих четырех столетий.

Кружка эля, кусок заплесневелого хлеба, корка сыра – вот славянские Эскалибуры. Есть что-то привлекательно демократичное в этих историях о скромных крестьянах и ремесленниках, положивших начало правящим династиям. Сравним с тюркской династией, правившей болгарам, – она вела свою родословную от гунна Аттилы, в то время как неславянские арпады Венгрии на полном серьезе утверждали, что произошли от гигантской мифологической птицы. К сожалению, все эти истории – выдумки. Реальное историческое происхождение восточно-европейских королевств записано не в хрониках, а в почве. Это история, на которую все еще предстоит пролить свет.

В 2007 году археологи, работавшие вдоль шоссе А1, идущего на север от Варшавы, наткнулись на кладбище. Они датировали его серединой X или началом XI века, теми самыми годами, когда Польша приняла христианство, а ее правители вступили на европейскую арену. Археологи заметили, что отдельные захоронения отличались от типичных. Тела не были кремированы, как это было принято на языческих кладбищах, более того, они также не были обращены на восток, как это было принято в христианских традициях. Вместо этого тела лежали на линии север – юг, что ранее наблюдалось только в погребениях викингов. Женщин похоронили в прекрасных украшениях, бусах из стекла, смешанного с золотом, очевидно, изготовленных в королевских мастерских Багдада и Византии. Мужчин окружало великолепное иностранное оружие: франкские палаши и хазарские топоры. Исследования скелетов подтвердили, что большинство умерших были выходцами из Скандинавии, хотя некоторые прибыли и из более отдаленных мест – Центральной России и Северной Италии.

Кто были эти люди? Скорее всего, члены польской королевской гвардии. Арабские источники сообщают, что первые польские короли щедро одаривали их милостями. И вполне возможно, что так оно и было. Гвардия была опорой и фундаментом их правления. Короли нуждались в услугах этих странствующих специалистов по сражениям и убийствам, потому что реальным источником их богатства были вовсе не налоги с крестьян, а внутриконтинентальная работоторговля, величайший источник богатства в IX и X веках. Неслучайно, что как раз в то время, когда Богемия, Моравия и Польша формировались как государства, эта торговля была в самом разгаре. Заправляли ею христиане, евреи и мусульмане, а в плен попадали в основном язычники. Покупатели приезжали, как правило, из богатых серебром исламских халифатов Ирака и Андалусии. Там рабы из разных королевств пользовались огромнейшим спросом. К славянам относились с большим уважением, их ценили за исполнительность в роли домашней прислуги. Лучшими считались евнухи. Согласно негласному регламенту того времени, некастрированный раб всегда остается грубым и простодушным, а кастрированный способен на утонченные поступки.

По большей части история славянской работоторговли не зафиксирована в письменных источниках – ее можно прочитать в земле. Клады арабского серебра, зарытые повсюду от Швеции до Богемии, свидетельствуют о многочисленных драмах, разыгрывавшихся на длинных и извилистых дорогах, по которым пленников гнали с севера на юг, на рынки Багдада и Кордовы.

Два конкурирующих торговых маршрута, по которым перевозили людей, по-видимому, функционировали одновременно. Один вел на юг из Новгорода на севере России к Каспийскому и Черному морям. Другой шел по суше от Балтики к большому невольничьему рынку в Праге. В России рабов грузили на долбленные челны и сплавливали вниз по реке в направлении Крыма и южных берегов Волги. В Польше и Богемии заключенных приходилось переправлять по суше, поскольку ни одна река не пересекала Карпаты. Следуя этим более поздним маршрутом на юг, археологи наконец поняли назначение того, что десятилетиями было у них перед глазами.

Специалистов долгое время озадачивало предназначение гигантских укреплений, в которых, казалось бы, не было предусмотрено жилых помещений. Выяснилось, что это были загоны для содержания большого количества рабов, построенные как временки, в которых люди вынужденно ждали наступления сезона выдвижения караванов на юг. Польша, Богемия и Моравия разрослись как раз на этих караванных тропах.

Первые правители этих государств брали свое огнем и мечом. Они сколотили состояния, совершая набеги на окружающие общины и экспортируя своих людей – в цепях – в великие торговые центры Средиземноморья и Ближнего Востока. Неудивительно, что их пропагандисты выдумывали истории о честных пахарях и скромных колесниках, ведь реальная основа их власти заключалась в порабощении собственного народа и продаже его на больших рынках Венеции и Кордовы, подобно тому, как первые князья на Руси заработали несметные богатства, организовав такую же торговлю с Багдадом и Константинополем.

Россия, Польша и Чешские земли стали государствами, объединив вооруженную силу с торговлей. Первые вожди Венгрии и Болгарии занимались обычным грабежом. Оба народа изначально были кочевниками, родом из степей юга России. Группы этих конных воинов поразили Европу подобно удару молнии. Начиная с VII века болгары совершали набеги вглубь Византийской империи, в конечном итоге основав собственное племенное королевство к югу от Дуная.

Венгры (или мадьяры) впервые появились на Балканах примерно двести лет спустя. Первоначально они дружили с болгарам, но вскоре начали совершать опустошительные набеги вглубь Западной Европы. Тогда это был страшный народ. Хроника описывает, как один из их первых герцогов разбивал головы своим врагам, словно то были «спелые тыквы». Даже королевы мадьяр были свирепыми: говорят, что одна из первых правительниц была «запойной пьяницей, разъезжающей верхом, как рыцарь, которая могла убить человека голыми руками». Но и эти закаленные воины в конце концов последовали за своими собратьями-язычниками в лоно христианства.

Различные языческие вожди, ставшие первыми христианскими королями Восточной Европы, обратились в христианство из прагматичных соображений, но их выбор возымел реальные духовные последствия. Насколько сложным мог быть этот переход, ясно показано в письме, отправленном болгарским ханом Борисом папе Николаю I в 866 году. К тому времени болгары уже жили в Европе более двухсот лет. За это время они постепенно слились со своими славянскими соседями-земледельцами, но все еще яростно цеплялись за старые обычаи степей, в том числе за язычество. Прикидывая, к какой церкви присоединиться, к восточному православию или римскому католицизму, хан Борис хотел разобраться в деталях. Он составил список вопросов для папы римского. Могут ли обращенные в христианство мужчины по-прежнему носить брюки? А женщинам тоже разрешается? Сколько жен может взять мужчина? Разрешен ли секс при наступлении беременности или во время Великого поста? По-прежнему ли считаются священными клятвы, данные на мечях? Можно ли мужчинам мыться по пятницам? Следует ли носить тюрбаны в церкви? Можно ли по-прежнему залечивать свои раны волшебным камнем?

Папа римский ответил на вопросы хана Бориса по пунктам: брюки, бани и тюрбаны – это прекрасно; магические камни и полигамия – уже в меньшей степени. Эти ответы, похоже, понравились хану больше, чем ответы, которые он получил на те же вопросы от православного патриарха в Константинополе. Тем не менее в конечном счете он решил встать на сторону греков. Решающую роль сыграл стратегический фактор.

Византийские императоры были ближе и лучше вооружены, чем римляне. Аналогичные расчеты повлияли на христианизацию

всего региона. В IX веке сербы вслед за болгарами вошли в орбиту Византии.

В 987 году к ним присоединились киевские князья. Эти наполовину викинги, наполовину славяне-воеводы усмотрели привлекательность византийского христианства не только в политике, но и в его эстетическом оформлении. Получив разрешение войти в константинопольские церкви, князья с Руси онемели от изумления. Более поздний летописец свидетельствовал, что, войдя в собор Святой Софии, они не поняли, «попали ли они на Небеса или все еще оставались на земле», и сразу осознали, что «Бог пребывает».

Таким образом, князья Руси предпочли встать на сторону красоты, хотя, безусловно, принять решение помогло и то, что Константинополь также выступал их главным торговым партнером. В других местах господствовали более приземленные прерогативы. Для чехов, хорватов и поляков наибольшая угроза их независимости исходила с Запада в виде Франкской империи и ее преемницы, Священной Римской империи, в которой доминировали немцы. Оба новообразования исповедовали католическую веру. Для славянских королевств обращение к Риму напрямую послужило оборонительным целям. Такое сотрудничество дало им шанс развить собственные христианские институты вместо навязанных немецким императором сверху.

Этот выбор, обусловленный особыми политическими обстоятельствами IX и X веков, имел далекоидущие последствия. Именно в силу этих обстоятельств Восточная Европа стала пограничной территорией между соперничающими христианскими государствами Римом и Византией. Разделительная линия между православными и католиками проходила прямо через сердце многих государств, создавая очаги раздора. Даже в XX веке напряженность, порожденная этим расколом, привела к расколу и конфликтам между нациями. Но первым христианским правителям Восточной Европы все это невообразимое будущее было неведомо. Их заботило лишь то, как внедрить христианство в повседневную жизнь своих подданных.

Для того чтобы христианство заняло прочные позиции, оно сначала должно укорениться в определенном месте. Самый простой способ добиться этого – найти каких-нибудь доморощенных святых и создать вокруг них культ. Хорошо, если эти святые оставили после себя какие-нибудь реликвии, которые могли бы перейти в королевские руки, и еще лучше, если они сами оказались членами королевской семьи. Такой расклад имел двойное преимущество: придавал легитимность правящей династии и в то же время демонстрировал искренность веры остальному христианскому миру.

В Венгрии святым-основателем стал первый христианский король Стефан, который заслужил свою святость, убив собственного дядю-язычника. Точно так же в Сербии великий святой Савва, рожденный царским сыном, сбежал от своих обязанностей губернатора провинции на гору Афон, стал монахом и со временем ученым-полиглотом и гением святого слова. В Богемии эта честь досталась юноше королевской крови, члену правящей династии по имени Вацлав (или Венцеслав).

Агиографы Вацлава вспоминали его как исключительно набожного ребенка. Часто по ночам он поднимался из своих покоев в королевском замке, чтобы тайно побродить по близлежащим полям. Там при свете луны он собирал зерно, потом молот его, просеивал в муку, из которой выпекал вафли для святой мессы. В другие вечера Вацлав отправлялся на полуночные прогулки по замковому винограднику, чтобы собрать гроздь, из которых затем готовил вино для церковной службы. Эти ночные прогулки продолжались до тех пор, пока Вацлаву не исполнилось двадцать восемь лет, и тогда его убил брат Болеслав Жестокий.

Святой Адальберт (Войцех по-польски, Войтех по-чешки), первый святой покровитель Польши, был еще одним высокородным чехом. Обученный священству с раннего возраста, Войтех вскоре начал вращаться в высших кругах духовенства. Уже в возрасте тридцати лет он стал епископом Праги, где быстро нажил врагов, проповедуя против многоженства и чешской привычки порабощать христиан. Вскоре Адальберту пришлось бежать обратно к германскому

императорскому двору, откуда он только что прибыл. Та м никто не знал наверняка, что с ним делать. Адальберт проводил дни в молитвах и учебе. Ночью он вставал, когда все еще спали, и чистил обувь всему императорскому двору – поступок милый в своей услужливости, но точно не способствующий укреплению авторитета.

Наконец, было решено, что Адальберт должен стать миссионером. В 997 году он отправился на север, в Прибалтику, чтобы служить язычникам-пруссам. Те сочли его слишком надоедливый, ничего из его проповедей не поняли и отрубили ему голову. Король Польши выкупил его тело за килограммы золота, после чего призрак новоиспеченного святого начал творить чудеса.

Итак, благочестивых страдающих бессонницей христиан жестоко убивали: так они превращались в святых раннего католического владычества. Способствовали столь высокому статусу и их близость к власти, и та сверхъестественная сила, которую их реликвии могли даровать доселе языческому ландшафту. Святых канонизировали и в политических целях, что никогда не вызывало ничего, кроме слабой преданности. Южнее, в православном христианском мире Балкан, культ святых был гораздо более мощным, во многом потому, что святые имели более глубокую связь с языческим прошлым. Они взяли на себя многие функции древних божеств, которых заменили.

Святой Илия по прозвищу Громовержец вызывал молнии и бури, подобно тому, как в предыдущие века это делал Зевс или славянский Перун. Святой Теодор каждый год помогал наступать лету, управляя колесницей солнца со своими двенадцатью всадниками. Святой Варфоломей делал то же самое, когда осень сменялась зимой. Таким образом, святые работали важнейшими посредниками в ежегодно сменяющихся сезонах, великой драме, структурирующей жизнь всех сельскохозяйственных обществ. Каждый год к лету солнце в небе становилось большим и жарким, помогая урожаю созреть, и каждый год к середине зимы оно становилось таким маленьким и холодным, что казалось – жизнь никогда не вернется на замерзшие поля. Все зависело от его возвращения, которое было далеко не само собой разумеющимся. У солнца и весны были свои враги. Им нужны были герои. Каждый год зимой дракон пытался проглотить солнце, и поэтому каждый год святым Илии и Георгию приходилось отправляться в подземный мир, чтобы освободить светило.

Летом различные сверхъестественные силы объединялись, чтобы попытаться лишить землю (и трудолюбивых агрономов) плодородия, украсть урожай или погубить его градом. Эти адские вредители могли принимать облик змей, драконов, оборотней или ведьм. Иногда святые сражались против них, но чаще всего они действовали по принципу «кесарю кесарево» или «клин клином».

По ту сторону солнца и в темном подземелье чудовища сражались между собой за обладание землей и небом. По всей Восточной Европе «добрые оборотни» и «добрые драконы» (обычно в человеческом облике) присматривали за вверенными им людьми и защищали их от сил зла, которые неизменно угрожали извне. Все казалось предельно ясным, если смотреть через призму традиционной веры; но гораздо труднее объяснить эти законы представителям христианской элиты.

В 1691 году в латвийском городе Яунпилс человек по имени Тисс предстал перед судом за ересь. Тиссу было более восьмидесяти лет, и в своей деревне он пользовался уважением. По совместительству он был оборотнем, причем открыто признал это, немало шокировав судей. Тисс, однако, объяснил, что он был не плохим оборотнем, который крал урожай у людей; он был хорошим оборотнем – одним из «гончих Бога», которые сражались с колдунами из соседних стран, таких как Россия или Эстония, чтобы защитить урожай деревни. Эти сражения происходили в Аду, вход в который открывался в близлежащем болоте каждый год во время Рож-

дства. Оборотни не всегда побеждали, но в этом году, по словам Тисса, им это удалось. Они привезли из Ада много ячменя и ржи и подбросили их высоко в воздух, чтобы зерна поровну упали на поля как богачей, так и бедняков.

Судьи не приняли объяснений Тисса и приговорили его к порке и изгнанию. Им казалось невозможным, что человек может быть одновременно и оборотнем, и добрым христианином. Возможно, если бы они лучше знали историю, они бы изменили свое мнение; Ливония издавна славилась своими оборотнями. Еще в XVI веке было хорошо известно, что в течение двенадцати дней после Рождества оборотни выходят на улицу. В других странах Восточной Европы этот период времени обычно называли «собачьими днями» или «языческими днями». В древнем сельскохозяйственном воображении Старой Европы это время года считалось самым опасным: словно мембрана между этим и потусторонним миром истончается, и смертные, затаив дыхание, ожидают, появится ли на этот раз из своего заточения солнце.

Городские лютеране, слушавшие Тисса в суде, просто не знали об этой вековой традиции. Стенограмма судебного заседания представляет собой увлекательное чтение. В какой-то момент Тисс упомянул, что он и его товарищи-оборотни сварганили жаркое из свинины. Судьи поинтересовались, как им это удалось, если у них, как у оборотней, «были только волчьи головы и лапы». Ответ, естественно, заключался в том, что оборотни разрывали мясо и насаживали его на вертел, как волки, но ели они его как люди.

Позже историки предположили, что Тисс в своих показаниях описывал форму шаманизма. Сражение, о котором он говорил, происходило в трансе или во сне. Мы знаем об очень похожем обычае, существовавшем примерно в то же время в Венгрии: разница только в том, что там в нем участвовали драконы, а не оборотни, и что среди самых могущественных шаманов встречались женщины.

В восточноевропейской мифологии драконы принимали множество обликов: были драконы, которые крали урожай, а были и те, которые защищали его. Венгерские маги-драконы, известные под именем *taltos*, использовали силу добрых драконов на благо своих сограждан. Они обладали даром провидения: могли исцелять больных, предсказывать будущее или находить спрятанные сокровища. Но прежде всего они были теми, кому поручено защищать свою деревню или регион от нападения сверхъестественных сил.

Как и ливонские оборотни, *taltos* часто вступали в конфликт с религиозными властями: в таких случаях их часто принимали за ведьм. Что *taltos* думали о себе и как к ним относились их соседи, можно почерпнуть из стенограмм судебных процессов того времени. Обычно к ним относились с благоговейным ужасом. В 1626 году когда некая Эржебет Ормош предстала перед венгерским судом, один из свидетелей на процессе сказал о ней просто и буднично: «Драконы – ее компания». Они были всесильны, и даже самые скромные знали об этом.

Эржебет Тот, которая приехала из маленького городка, расположенного недалеко от Будапешта, чтобы предстать перед судом в 1728 году, четко ощущала, что ей подчиняются огромные силы. Она могла разговаривать с потусторонним миром посредством своего двойника. Этот двойник мог бы добраться аж до Турции, при этом ее муж все равно думал бы, что жена дома рядом с ним. Эржебет Тот умела находить сокровища и определять воров. По ночам она бродила по городу, зная о том, что происходит за каждой дверью. В основном она защищала свой родной город от землетрясений, но в ее обязанности входило гораздо больше функций. По ее словам, «треть Венгрии отошла бы врагам», если бы не ее личное вмешательство. Она была защитницей, но в целях самозащиты могла проявлять жестокость: «Я дочь Бога. Если кто-то угрожает мне, я смотрю в глаза этому человеку, и он должен тут же умереть».

Согласно традиционным верованиям, души мертвых обретались повсюду: прятались под молотилками, в водоворотках и на перекрестках дорог. Их благословение гарантировало здоровье и богатый урожай. Их недовольство было равносильно проклятиям. В определенные времена они выходили к людям чаще, чем в другие. Канун всех усопших, 1 ноября, и по сей день остается великим католическим праздником мертвых, но до него были и другие. Канун Рождества, например, считался ночью, когда умершие члены семьи возвращались домой. Та к же иногда представляли себе и дни перед Пасхой. В Страстную среду разжигались костры, чтобы согреть души умерших.

Часто мертвые приходили сами по себе, без приглашения. Одним из названий таких возвращающихся мертвецов было *vampir*, или «вампир». Слово, по-видимому, имеет польское происхождение, при этом вера в особый вид возвращающихся злобных мертвецов была распространена на большей части Восточной Европы. Действительно, образ присутствовал во всех восточноевропейских странах, за исключением Эстонии, и отсутствовал у всех ее ближайших соседей, за исключением Греции. Восточную Европу можно в некотором смысле назвать домом вампиров: она накрыта невидимой паутиной верований о том, что мертвые могут потребовать от живых и как от них можно защититься.

Запад узнал о вампирах в результате великой вампирской чумы, поразившей австрийскую военную границу в 1720-1730-х годах. Граница, проходившая вдоль между Габсбургской и Османской империями по территории современных Хорватии и Сербии, представляла собой странное место: особо укрепленная, никому не принадлежащая земля, патрулируемая беженцами, которые скрывались на славянских землях от турецкого владычества, под командованием немецких офицеров. Именно здесь эпоха Просвещения впервые столкнулась с миром балканских народных верований. Перед глазами вызванных в отдаленные деревни армейских врачей – в париках, с карманами, набитыми трактатами Ньютона и Вольтера, – открывались картины, которые они не представляли себе и в страшном сне: целые кладбища были распораны, могила за могилой, а сердца самых сохранившихся тел пронзали колья из боярышника.

Жители славянских деревень обвиняли в эпидемии чумы неудовлетворенных мертвецов. Протыкая их кольями, они пытались успокоить их души, а поток крови, вытекающий из трупа, трактовался как признак того, что они правильно определили виновника. Неудивительно, что австрийские врачи пришли в ужас – именно их отчеты ввели термин «вампиры» в общеевропейское обращение. С того момента вампир приобрел свой западный образ: жаждущий крови бессмертный, ночной бродяга, насильник и исполнитель запретных мечтаний.

Эта версия не имеет ничего общего с реальностью. Восточноевропейские вампиры сильно отличаются от своих западных аналогов. У этих вампиров нет клыков, и они лишь изредка пьют кровь, ведут ночной образ жизни, но и солнечный свет им не вредит. Они также демонстрируют иные отличия в зависимости от локации: можно сказать, вампиризм – это не отдельное состояние, а целый спектр таковых. В Болгарии считается, что вампир – это тень, и эта тень – душа. В Македонии их представляют похожими на бурдюки, наполненные кровью, с глазами, которые горят, как угли. Поскольку у таких вампиров нет костей, достаточно одного укула, чтобы убить их. Резануть один раз – и кровь выйдет как воздух из воздушного шарика. В Сербии считалось, что вампир – это «брюхо, наполненное кровью», но если они остаются на ногах в течение сорока лет, то могут снова приобрести плотский образ. В этот момент они выглядят вполне по-человечески.

Часто *vampir* пытались вернуться к той жизни, которую оставили позади. Они завидовали живым и стремились воссоединиться с ними. Иногда эти ожившие существа воспринимали свою новую жизнь как возможность получить оплачиваемую работу. В Косово один вампир, изгнанный из своей родной деревни, уехал в соседний город, где открыл магазин и успешно управлял им в течение многих лет, прежде чем был пойман и убит разъяренной толпой. Болгарский вампир из Никодина, которому на момент смерти было всего семь лет, уехал в чужой

город, где стал очень способным учеником мясника. Болгарский вампир из Доспея, что в Самоковском районе, аналогичным образом покинул свой дом и устроился на работу в Стамбуле. Много лет спустя его вычислила жена. Она сообщила всем вокруг, что это существо совсем не то, за кого себя выдавало, а скорее оживший труп ее почившего супруга. Прислушавшись к ее словам, родственники подожгли его в сарае для сена.

Несчастные тени! Меня нетрудно растрогать историей о каменотесах и парнях из мясной лавки, которые, получив шанс на бессмертную жизнь, просто занялись примерно тем же самым, что делали всегда. Это напоминает мне историю, рассказанную польской ведьмой на суде. Дьявол предложил ей все, что она пожелает, и она попросила в качестве вознаграждения всего два часа в таверне Торуни – вот что значит ограниченный кругозор.

Какими бы трагикомичными ни казались эти истории, в них содержится зерно правды о сущностной природе восточноевропейских вампиров. В первую очередь они совсем не мертвецы-возвращенцы, чья миссия – охотиться на живых. Скорее, они мертвецы, которые забыли до конца умереть. Вместо того чтобы отправиться в подземный мир, они сделали все возможное, чтобы продолжать жить так, как жили раньше, спали со своими женами, играли со своими детьми, время от времени мстили тем, кто причинил им вред. Великая истерия 1730-х годов нарастила бесчисленные слои мифов и романтических фантазий вокруг фигуры вампира, скрывая его истинную природу. Чтобы увидеть, каким был вампир до того, как на сцену вышли Дракула, летучие мыши и гирлянды чеснока, мы должны обратиться к тому периоду, когда легенды только начали выкристаллизовываться.

В 1718 году в городе Стародубовня, на территории нынешней Словакии, похоронили поляка: виноторговца, мошенника и в некотором роде бабника. Его звали Михаэль Каспарек. Похороны прошли как обычно: Каспарека погребли на церковном дворе со всеми необходимыми церемониями, в гробу, покрытом красным шелком, над которым рыдали жена и брат, оставленный разбираться с кредиторами. Восемь дней спустя Каспарек вернулся. Ночью он явился своему слуге, потом начал регулярно затевать драки, кусаться, избивать и душить людей. Он столкнул продавца хмеля в реку Попрад. Он ворвался на соседскую свадьбу и потребовал, чтобы его накормили рыбой. Когда на свадьбе ему отказали в вине, он осушил бутылку, разбил все стаканы и ускакал на белом коне. Жители города не на шутку встревожились. Они подали жалобу мировому судье. Священник обратился за советом к епископу в Кракове, поскольку город принадлежал Венгрии, однако тамошние церкви были польскими, а большинство жителей – немцами... типичный восточноевропейский бардак.

Тем временем Каспарек все еще развлекался. Он переспал с собственной вдовой и оплодотворил ее. Повторил успех с четырьмя другими женщинами. Затем он исчез. Люди вздохнули с облегчением. Три недели спустя из-за границы пришли сообщения о том, что его видели в Варшаве, где он расплачивался с долгами и влезал в новые. Наконец, спустя месяцы епископ одобрил расследование и судебный процесс. Их было трудно организовать, поскольку Каспарек все еще де-факто был похоронен на церковном дворе. Поэтому они выкопали его, отрубили ему голову, а остальное сожгли. На всякий случай священник отлучил его от церкви.

А он снова вернулся. В Старой Любовне вспыхнул пожар. Руководство города допросило брата и вдову Каспарека. Они поклялись, что Михаэль не заключал договор с дьяволом и не обладал волшебным кольцом. Тем временем пожары не прекращались. Горожане предположили, что Каспарек мстит за свою посмертную казнь. Пошел слухок, будто кто-то слышал, как кто-то сказал: «Ты сжег меня, мне лучше сжечь тебя». Наконец, вдова сделала признание. Она, оказывается, знала, почему Каспарек продолжал возвращаться. Он сказал ей, что дьяволы

не пустят его в ад, а Бог – на Небеса, потому что они сожгли не его сердце, а сердце другого человека. Разгадка найдена: в его трупе лежало сердце овцы. Настоящее сердце потом нашли под навозной кучей и торжественно сожгли в ратуше Стародубовни.

Несколько месяцев, проведенных Каспареком среди живых, стали настоящим кошмаром для маленького словацкого городка. И все же в покойничке было что-то неумное и комичное. Казалось, в этом жуликоватом продавце вина просто слишком много жизненной силы, чтобы ее могла вместить могила. Даже смерть не отвратила его от лжи, мошенничества, интриг и беспорядочного секса. И то, что можно сказать о нем, можно сказать и о многих других. Мертвые не исчезают после смерти. Они продолжают как в их собственном сознании, так и в нашем. Они возвращаются снова и снова: иногда завистливые, иногда обиженные, часто просто отчаянно нуждающиеся в человеческом тепле. Послание, которое они приносят в ответ, всегда, по сути, одно и то же: *«Мы живы. Мы живем. Наши сердца горят»*.

2

Евреи

В 1912 году еврейский драматург и фольклорист Семен Ански отправился в экспедицию в заброшенные районы восточноевропейского еврейства. Его исследовательское путешествие было проложено по наименее посещаемым уголкам черты оседлости. Более столетия эта территория была единственной частью Российской империи, в которой разрешалось селиться евреям, здесь их проживало около пяти миллионов, что делало эту землю крупнейшей еврейской общиной в мире.

Во время своих путешествий он останавливался в каждой забытой деревне и торговом городке, собирая легенды и документируя местные обычаи. Он также интересовался еврейскими памятниками и историями, связанными с ними. В маленьком украинском городке Каминка он отправился посмотреть на могилу знаменитого раввина Шмуэля Каминкера, легендарного хасидского святого, который был известен в начале XIX века своей способностью изгонять одержимых призраков, или *dybbukim*. Сила Шмуэля сохранилась и после его смерти.

Говорили, что могила Шмуэля защищала Каминку от пожаров и наводнений. Когда кладбищенский сторож повел Ански посмотреть древнюю могилу Шмуэля и соскреб немного мха, покрывавшего табличку с именем, он, к своему удивлению, обнаружил, что на ней написано: «Моше, сын Моше». Они стояли вовсе не перед могилой Шмуэля, просто ее месторасположение неправильно запомнили.

Крик отчаяния пронесся по Каминке. Раввины, миряне, женщины и дети – все устремились на кладбище, чтобы увидеть скандальную находку. Их мир рухнул в одно мгновение. У них отняли Святого, который защищал их от опасности. Видя отчаяние людей, Ански деликатно пошел на попятную. Он рассказал горожанам, что ему доподлинно известно: надгробные плиты иногда перемещаются; кусок может отколоться от одной могилы, затем появиться на другой, и со временем таким образом может переместиться целая надпись. Поэтому вполне вероятно, что уважаемый рабби Шмуэль действительно был похоронен под могильной плитой «Моше, сына Моше». Горожане с большим рвением схватились за эту идею, поскольку она позволяла им сохранить то, что было для них самым дорогим: память о святом человеке и регулярное использование его чудотворных сил.

Девятьсот лет назад, по исчислению евреев, в Восточной Европе не было ни могил, ни призраков. Некоторые заезжие туристы также находили территорию почти безлюдной. Одним из первых еврейских путешественников, записавших свои впечатления о регионе, был арабоязычный купец из Каталонии Ибрахим ибн Якуб, посетивший Польшу и Богемию около 965 года. Он писал о том, как неделями странствовал по густым лесам и заболоченным землям, но

нашел лишь несколько поселений – деревянные форты, окруженные частоколами из заостренных кольев. Единственным сколько-нибудь значимым городом, который ему встретился, была Прага. Купцы приезжали туда издалека, чтобы торговать оловом, мехом и, главное, рабами.

Евреям, выходцам из Средиземноморья и Западной Европы, где они прожили тысячелетие, нужен был способ вписать новую территорию в свою ментальную географию. Они начали с названия, помазав малонаселенные, в основном славянские, земли именем Ханаан, по библейскому названию Святой земли до прихода израильтян. На протяжении веков эти ранние еврейские поселенцы общались на так называемом кнаанике, или «языке Ханаана», в котором славянская лексика записывалась буквами еврейского алфавита. Однако к позднему Средневековью этот язык почти вымер, уступив место немецкому идишу новоприбывших из Ашкеназа (еврейское название земель, окружающих Рейн). Этот язык почти не оставил следов, за исключением надписей на монетах и глоссов в произведениях раввинской литературы.

Евреи-ашкеназы, изгнанные из Германии в результате массовых убийств и притеснений, сначала отправились в чешские земли Моравии и Богемии, затем медленно просочились в Венгрию, Польшу и Литву. Польша-Литва оказалась особенно благоприятной для еврейского расселения. После женитьбы языческого герцога Ягайло Литовского на христианской принцессе Ядвиге Польской в 1386 году эти две страны обрели единого правителя. Объединившись, они образовали огромное царство, включавшее территорию большей части сегодняшних Польши, Литвы и Беларуси, а также большую часть Украины и части Латвии. Это обширное государство было слаборазвитым и малонаселенным, зато толерантным, особенно в вопросах религии. В этой объединенной монархии (позже переименованной в Речь Посполитую) католики, протестанты и православные могли жить бок о бок. Мусульмане и евреи также были желанными гостями: первые служили конными солдатами, а вторые работали на богатых дворян, организуя торговые связи.

На своей новой родине евреи процветали. Численность ашкеназов в содружестве росла такими темпами, что современные демографы до сих пор не могут их объяснить. У самих евреев было объяснение успеха: так и было predetermined. Красивая история, которую часто пересказывают, повествует о евреях Ашкеназа и о том, как их долгие годы преследовали разные короли. Однажды, когда они уже отчаялись когда-либо найти для себя спокойный дом, с небес упала записка. В ней были слова: «Поезжайте в Польшу». Евреи отправились туда и были приняты со всеми почестями. Им дали золото, места для поселения, защиту от врагов. Они процветали и распространились по всей стране. Недалеко от Люблина они набрали на лес, где на каждом дереве был вырезан трактат Гемары, раввинских комментариев к еврейскому закону, – так они поняли, что евреи селились здесь и раньше. Увидев знаки, они поняли, почему эта земля называлась Полин – в переводе с иврита «поселиться здесь».

К 1600 году Польша, в значительной степени свободная от религиозных преследований, процветающая в торговле, приобрела репутацию *Paradisus Judaeorum* – «Рая для евреев». Польша-Литва послужила ковчегом, выйдя из которого евреи заселили большую часть остальной Восточной Европы. Большинство евреев, живших в России, на Украине, в Беларуси, Латвии, Румынии, на территории будущей Чехословакии и Венгрии в 1900 году, могли проследить свои корни до земель, которые когда-то находились под властью польской короны. Сегодня влияние этого нового государства-основателя еще сильнее и распространяется по всему земному шару. Около восьмидесяти процентов живущих сегодня евреев могут проследить свою родословную до Речи Посполитой.

Славянские «земли Ханаана» со временем стали колыбелью ашкеназов. Однако это не означает, что Восточная Европа служила домом только для них: Балканы приютили две другие группы евреев. Романиоты говорили на греческом диалекте, написанном еврейскими буквами и похожем на идиш, – еванике. Корни этих древних сообществ уходили во времена Римской империи. Группы романиотов, по сути, основали балканское еврейство, но в конце XV

века их в значительной степени вытеснили пришельцы с Запада. Когда в 1492 году своих евреев изгнала Испания, многие из них нашли убежище в растущей Османской империи. Носители испанского языка, ладино, эти сефарды – от Сефарад, еврейского названия Испании – быстро стали доминирующей еврейской общиной на Южных Балканах. До XX века большинство евреев Болгарии, Македонии, Боснии и Сербии были сефардами. Румыния тем временем была ашкеназской на севере и сефардской на юге, объединяя две общины.

Присутствие как ашкеназских, так и сефардских евреев в Восточной Европе способствовало не только языковому разнообразию региона: подобно двум далеко разнесенным электродам, оно также создавало заряд, поток энергии, который оживлял религиозную жизнь обеих групп. Их взаимное влияние помогло превратить Восточную Европу в прекрасную арену для религиозных инноваций и творчества – особенно перед лицом кризиса. Важный пример относится к середине XVII века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.